

Благодарности

Моё исследование щедро поддержали: Национальный фонд гуманитарных наук; Фонд Хьюлетта; Программа культурного сотрудничества Министерства культуры Испании с университетами Соединённых Штатов; Фонд Кека библиотеки Хантингтона; в Питтсбургском университете: Центр передового опыта Европейского союза / Центр европейских исследований, Школа искусств и наук, факультет английского языка; в Северо-Западном университете: факультет английского языка, магистратура, Колледж наук и искусств Вайнберга, Фонд Путешествий Брэйдли и Стипендия Вирджил Хельтцеля. И хотя это не относится непосредственно к данному проекту, щедрость Марты Риверс Ингрэм и Стипендиальной программы Ингрэм позволила начать эту работу ещё до того, как я мог предположить, к чему она приведёт.

Я благодарен за помощь, оказанную мне в Мадриде: со стороны персонала и руководителей Фонда Хосе Ортега-и-Гассета, Грегорио Мараньона в частности, Асенсьон Уньи и Хавьера Саморы Бонильи — со стороны Королевской Академии истории, благодарен персоналу библиотеки Студенческой резиденции (особенно Мигелю Хименесу), Национальной библиотеки Испании и Библиотеки муниципальных газет в Мадриде. Также я выражаю благодарность за поддержку и содействие Фонду Марии Самбрано (Велес-Малага), библиотеке уникальных фондов в университете Северо-Запада, библиотеке Ньюберри (Чикаго), библиотеке Хантингтон (Сан-Марино, Калифорния), Исследовательскому центру гуманитарных наук Харри Рансома в Техасском университете в Остине, библиотеке Хоутона в Гарвардском

университете, отделению уникальных фондов и университетских архивов в университете Талсы, уникальных фондов и архивов университета Баффало и библиотеке Питтсбургского университета.

Отрывки этой книги были представлены на конференциях, съездах и симпозиумах нижеприведённых ассоциаций, где я получил неоценимые отзывы и подчеркнул новые мысли из обсуждений: в Ассоциации современного языка, в Ассоциации изучения модернизма в Ассоциации американского сравнительного литературоведения, в Международном фонде Джеймса Джойса, на симпозиуме «Медиаморфоз: культура печати и трансатлантическая(ие) публичная(ые) сфера(ы), 1880–1940», в Обществе изучения художественной прозы, на диссертационном форуме Меллона в Гуманитарном центре Элис Берлин Каплан, в Ассоциации современного языка Среднего Запада, на коллоквиуме курса по литературе по текущей работе в Питтсбургском университете, а также на семинаре журнального модернизма (NEH / в университете Талсы).

Мои студенты в Питтсбургском университете и университете Северо-Запада задавали острые вопросы и предлагали новые идеи, позволившие взглянуть на темы под новым углом и не дававшие мне устать от них — я благодарен за это. Они последовательно меняли ход моих мыслей в отношении модернизма, авторов, которых мы обсуждали, и влияния теорий космополитизма на наше понимание мировой литературы.

За этими списками организаций и мероприятий, которые могут показаться безнадёжно бездушными, стоит дружба, солидарность, беседы и воспоминания, которые превратили труд над этим проектом в бесконечно увлекательное занятие. Я потрясён количеством великодушных, альтруистичных и интеллектуально щедрых людей, которые помогли мне сделать книгу плодом коллективных усилий. Практически каждый преподаватель факультета английского языка в Северо-Западном университете на разных этапах содействовал мне в этом проекте, когда он ещё был на стадии диссертации. Я благодарю кафедру за поддержку и за то, что меня приняли в научное сообщество.

Взаимодействие с коллегами-аспирантами в Северо-Западном университете поддержало меня на самых начальных стадиях проекта. Их слишком много, чтобы перечислить всех поимённо, однако Джоан Диас особенно заслуживает благодарности — и в большей мере, чем я способен выразить. Я искренне признателен моему диссертационному комитету в лице Пола Бреслина, Реджинлда Гиббонса, Дарио Фернандес-Мореры и Джорданы Мендельсон за то, что помогли мне направить себя в нужное русло и прояснили будущее направление исследования. Дельные советы, обогатившие мой проект, по ходу работы давали Брайан Эдвардс, Джулия Штерн, Кристофер Лейн, Патрик Пол Гарлинджер и Кевин Белл. Жюль Лоу изо всех сил старался помочь мне сформулировать и ясно изложить свои идеи по многим пунктам, предоставляя острые, аналитические и структурные комментарии, которые мне были так нужны в процессе работы.

Важнее всего то, что он был заботливым наставником, и его дружеское ко мне отношение и напрямую, и косвенно подпитывало меня во время работы. Кристина Фроула следила за ней с начала до конца, и даже вернулась перечитать введение на финальных этапах правок с тем же невероятным вниманием, с которым руководила моим дипломным проектом. С энтузиазмом, терпеливым руководством и непоколебимой преданностью она на протяжении многих лет помогала мне с прозорливостью, в которой нуждался этот проект. Я выражаю ей искреннюю благодарность за основательную и ободряющую помощь на протяжении почти десяти лет, и надеюсь, что она сможет гордиться этим завершённым трудом.

У меня есть целый список долгов, которые я благополучно набрал у коллег и друзей в процессе написания этой книги — долги, которые я со временем надеюсь вернуть. Грэг Даунс прочёл эту рукопись в черновике и дал блестящее, пронизательное понимание методологии и аргументации, что помогло переосмыслить ряд вопросов. От предложений и критических замечаний со стороны Шона Лэтама, Эри Дан, Аарти Смит Мадан, Хуана Эрреро-Сенеса, Лори Коул и Лиа Флэк разделы и главы стали только лучше. Я также обязан Шону за проведение нашего семи-

нара по исследованиям периодических изданий, после которого, вкупе с многочисленными беседами и советами, мои доводы по своей сути и направленности стали убедительнее, и за то, что указал мне на *Horizon*, который до того был на периферии моего сознания.

Эри делала критические замечания и дала подробную обратную связь с поразительной точностью. Лори и Хуан довольно хорошо знали материал по моим первой и третьей главам соответственно, и я очень благодарен за их ценные замечания, а Лиа была прекрасным посредником в этом и других проектах. Мои коллеги в Питтсбургском университете создали живую, поддерживающую атмосферу, идеально подходящую для работы над этим проектом, и любая попытка выделить кого-то одного из нашей огромной университетской семьи наверняка потерпит неудачу. Дэн Морган, Джонатан Арак, Нэнси Глэйзнер, Колин МакКейб, Шалини Пури, Адам Лоунштейн, Ханна Джонсон и Билл Скотт — они все читали части этой книги и/или моей заявки на исследовательский проект, за что я очень им благодарен.

Большая часть моей работы, честно говоря, была бы невозможна без бесценных сведений, поддержки и контактов, которыми щедро поделился со мной Доминго Роденас де Мойя. Надеюсь, эта книга отдаст должное его исключительной эрудиции и щедрости. Алессандра Чирибога была великолепным, обстоятельным корректором.

Бесчисленные разговоры и взаимообмены прояснили для меня и весомые, и мелкие вопросы, и за это я благодарю друзей с семинара «Журнальный модернизм»: Барта Бринкмана, Лори Коул, Н. С. Кристофера Кауча, Эри Дан, Джеффа Друина, Дэвида Эрле, Марка Гайпа, Линдси Гилберт, Роба Херда, Верна Кейл, Шона Лэтама, Джеймса Мерфи, Майкла Розендала, Боба Скоулза, Кэри Снайдер, Дэниела Уордена, Клиффорда Вульфмана и Джастин Прайс — по ним я искренне скучаю, Брюса Роббинса и участников семинара «Космополитизм» в гуманитарном центре Питтсбургского университета; Ребекку Валковиц, Лизу Вайман и членов семинара «История литературы в университете Западной Виржинии»; Анн Ардис, Дэна Балдерсона, Джессику Берман,

Джона Беверли, Джона Бишопа, Марию Терезу Канеда Кабрера, Теда Кэйчи, Билла Чейза, Нормана Чидла, Патрика Коллье, Эрика Геллмана, Хуана Гомеса, Барбару Грин, Фэй Хаммилл, Джейсона Хардинга, Гибриэль Хайден, Карен Лейк, Бена Лернера, Денниса Луни, Джоша Лунда, Дженни Манн, Селию Маршик, Гая Ортолано, Либби Отто, Кэрри Престон, Брайана Прайса, Антонио Рауля де Торо Сантоса, Сесара Сальгадо, Альберту Сбраджа, Дэвида Смита, Аню Спайра, Джуди Су, Абрама Ван Энген и Марка Уоллагера.

Я бы хотел завершить благодарностями Кевину Деттмару за его щедрые отзывы и советы, Брендану О'Нилу — за оперативность и проницательность в руководстве процессом выхода в печать, персоналу издательства Оксфордского университета — за неустойчивую работу, а также анонимным читателям рукописи за безупречные идеи. В первую очередь, однако, я посвящаю эту книгу своей семье. Мои родители, Бритт и Элис Роджерс, были примером безусловной, самоотверженной поддержки, которому я надеюсь следовать всю жизнь. Бритт, Лаура, Меган и Ракель многие годы относились ко мне терпеливо и ободряли множеством способов, о чём они, быть может, даже не подозревают.

То же самое относится и к моим своякам и свояченицам Дэбби, Эрику, Трэйси, Пэт и Джордану. Вся эта работа была бы пустой, если бы не постоянное ощущение, что каждая частица энергии, вложенная в неё, была, так или иначе, ради Одри — и для Айдена и Эллы. Вкратце, сам факт того, что семья — вечный источник радости, превратил эти труды в стоящие. Я невероятно благодарен дону Луису Игнасио Маричалар де Сильва, который великодушно позволил мне цитировать и переводить многочисленные неопубликованные произведения Антонио Маричалара. Я также хочу поблагодарить наследников Джеральда Херда за разрешение цитировать его письма.

В журнале «Модернизм/модерность» была опубликована одна из версий главы 2 под названием «Джойс и испанский Улисс». Отрывок из главы 5 под названием «1616, билингвальный модернизм и англо-испанская история литературы» — в «Журнале современных исследований периодических изданий». Одна из

версий приложения была среди публикаций Ассоциации современного языка (PMLA) под заголовком «Джеймс Джойс в своем лабиринте» Антонио Маричалара, в переводе Гейла Роджерса. Я благодарен каждому из этих изданий и издательствам университета Джона Хопкинса, Пенсильванского государственного университета и Американской ассоциации современного языка соответственно за разрешение перепечатывать и использовать этот материал.

Все переводы и недочеты, связанные с ними, мои, если не указано иное. По возможности я обращаюсь к доступным английским переводам цитируемых в этом исследовании текстов; внесённые изменения отмечены. Я по умолчанию правил испанские слова и имена при цитировании англоязычных источников, а английские — в испаноязычных источниках, если не указано иное.

Введение

Проблема Испании и культурная карта Европы в период между войнами

Испания представляет собой гротескную деформацию европейской цивилизации.

[Валье-Инклан 2024]

В Испании разорвана завеса.
В Испании находится Европа.
И Англия — в Испании.

[Warner 1937: 68]

Стремясь привлечь деятелей со всей Европы в проект обновления Испании XX века в соответствии с новейшим, однако и неоднозначным видением сообщества континентальных государств, Хосе Ортега-и-Гассет взвалил на себя огромную историческую ношу. Исследуя в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) типологию национальных черт характеров, Кант относит испанцев в одну группу к итальянцам, индийцам, китайцам, потому что это народ, «который в гневе вынашивает планы о мести или доводит любовь до безумия». Он пишет, что «испанец, в жилах которого смешались европейская и арабская (мавританская) кровь» испытывает в высшей степени «благородную национальную гордость» и неблагоприятно предан своей «древней религии».

Но «хуже всего в испанце» то, что

он не желает учиться у иностранцев; не путешествует, чтобы познакомиться с другими народами; в научных вопросах отстал на несколько столетий; противостоит любому новшеству; гордится тем, что ему не приходится работать; обладает романтическим темпераментом, как показывает коррида; жесток, как доказывает аутодафе прошлых дней; и в его вкусах есть нечто отчасти не европейское.

Кант опирается на многовековые клише в отношении испанцев, подвергшихся вредному влиянию африканской заразы в Европе, которая отличалась примитивностью, ленью, мстительностью, деградирующим католицизмом и настойчивостью в своём узком мировоззрении. По Канту, они никогда не смогут стать идеальными космополитами, поскольку у них нет «искреннего любопытства лучше узнать внешний мир» и «ещё меньше желания поселиться в нём (как граждане мира)»¹. Для Канта, как и для Гегеля после него, Испания лежит на периферии европейского модернизма — в прошлом, за пределами духовного пробуждения.

Такое североевропейское представление об Испании и испанцах доминировало со времён Чёрной легенды об испанском варварстве в период Инквизиции и завоеваний Нового Света, которое возродилось с Испано-американской войной 1898 года, когда прежде могущественная Испанская империя, по сути, развалилась после длительного периода упадка. Всего лишь восемь лет спустя молодой мадридец Ортега отправился в Германию, чтобы изучать философию в аспирантуре, где преподавали неокантиацы Герман Коген и Пауль Наторп.

Для Ортеги, которому предстояло стать главным интеллектуалом Испании, этот опыт оказался началом противоречивого

¹ [Kant 2006: 151, 218, 218ng]. Скобки в соответствии с оригиналом. Англичане и французы (а также, как подразумевает Кант, немцы), напротив, являются «наиболее цивилизованными народами на земле», в то время как арабы являются «народом пастушым [они] <...> не привязаны ни к какой земле, [но] так цепляются за свой образ жизни, даже несмотря на то, что он не освобождает их полностью от ограничений» [Ibid.: 214, 169]. Курсив как в оригинале.

пути длиной в десятилетия — пути изменения его родины, неоднородно развитой, в страну новой испано-европейской современности. Он преобразует её в то, что назовёт «Новой Испанией» и сделает соотечественников «гражданами мира» не через опровержение кантовских уничижительных утверждений или признание африканского наследия Испании, а провозгласив право выковать свободный от национальных предрассудков союз у юго-западной границы Европы.

Основывался этот всеобъемлющий проект, охватывающий различные сферы, начиная с публичной философии и социальной педагогики и заканчивая сотрудничеством с журналами и переводами книг, на межнациональной общественной волне, посредством которой испанские модернисты сотрудничали с иностранными коллегами. К последним относились партнёры среди космополитически настроенных, ориентированных на реформы британских модернистов, включая Т. С. Элиота, Джеймса Джойса, Вирджинию Вулф, Литтона Стрейчи и Стивена Спендера, работавших из соединённых между собой пространств с различных границ континента.

На протяжении нескольких взаимосвязанных литературных поколений два модернистских течения: одно находящееся в Испании, другое — в Британии, но в значимые моменты затрагивающие литературные ландшафты Ирландии, Северной и Южной Америки, — объединились в идеалистической попытке, которую часто не принимают во внимание, критическим путём преобразовать находящуюся в кризисе Европу, начав с её рьяно парадоксального и непостижимого уголка.

«Модернизм и Новая Испания» представляет собой важнейшую международную литературную историю истоков многогранной «испанской проблемы», (особенно) в том виде, в котором её переосмыслил и сформулировал Ортега: почему она меняет наше современное понимание модернизма, невзирая на языки и границы².

² Как я подробно рассказываю ниже, отдельные дискуссии — о «сущности Испании», о «проблеме Испании», или «испанской проблеме», о «двух Испаниях» или об экстра-иберийских формулировках, таких как «Африка

Используя этот термин, я хочу подвести итог нескольким дискуссиям в Испании и за её пределами о том, должна ли страна считаться Европой, могла ли ей принадлежать или была ли вообще её частью.

Амбициозная попытка Ортеги разрешить давние вопросы через европеизирующее модернистское движение лежала в основе взрыва творчества, известного как *Edad de Plata* (Серебряный век, 1898–1939), особенно после Первой мировой войны. В тот период, который академические круги воспринимали как современное наследие *Siglo de Oro* (Золотого века, примерно с 1490-х до ранних 1600-х годов), когда Испания была на передовой европейской культуры, Ортега играл роль локомотива — «герцога этого Ренессанса», как выразился один из коллег³. Он обеспечил значительную часть интеллектуальных и материальных ресурсов для переплетения отечественного и зарубежного модернизма таким образом, который требовался для их сравнительного анализа. В этой книге реконструируется и анализируется обширный архив размышлений о смыслах испано-европейской современности и её обоснования, отражённых в многообразных обменах между такими фигурами, как Элиот, Джойс, Стрейчи, Вулф и Спендер, а также Ортега и его коллеги, включая Антонио Маричалара, Викторину Окампо, Мануэля Альтолагирре и Федерико Гарсиа Лорку. Этот архив включает работы в пяти жанрах: рассказ, биография, открытое письмо, поэзия и переводные тексты; а также взаимосвязанные журналы, газеты, философские эссе, манифесты и переписку, которые преобразовали все эти жанры.

Извлечение этого архива и его интерпретация требуют такого же глубокого подхода к этим трансформациям (будь то критическим, творческим или иным), как это делали модернистские

начинается за Пиренеями», — обнаруживают общую тему, которая стала чрезвычайно актуальной в данный момент: вопрос об отношениях Испании с Европой.

³ Письмо Рикардо Баэсы к Ортеге от 27 ноября 1927 года в Фонде Хосе Ортега-и-Гассета — Грегорио Мараньона, Мадрид (*Fundación Ortega y Gasset–Gregorio Marañón, Madrid*); далее цитируется как *FOG, Madrid*. Обширный взгляд на роль этого философа в данный исторический период даёт каталог выставки *El Madrid de José Ortega y Gasset* (Madrid: Sociedad Estatal de Conmemoraciones Culturales / Publicaciones de la Residencia de Estudiantes, 2006).

фигуры того времени, воспринимая их как жизненно важные процессы в различных пространствах и медиа так, как до сих пор недостаточно исследовано современными учёными. Таким образом, объединяя англоязычные и испаноязычные документы и критику в каждом случае, в первой главе я начинаю с детального анализа взаимоотношений между двумя периодическими изданиями, поддерживающими объединение Европы: английского *Criterion* (1922–1939) и испанского *Revista de Occidente* («Западное обозрение», 1923–1936). Во второй главе переплетается детальный анализ романа «Улисс» (1922) и анализ того, как его распространяли в Испании с 1920-х годов до настоящего времени. В третьей главе я сравниваю и связываю биографические исследования Стрейчи и Маричалара в быстро меняющихся политических контекстах постмонархической, демократической Испании; а затем развиваю эту тему в четвёртой главе, через историю текстов на примере «Трёх гиней» (1938), международного политического культурного движения в поддержку феминизма, которое Вирджиния Вулф развивала совместно с Викторией Окампо. Наконец, используя подход билингвальной литературной истории, иллюстрируемый журналом Альтолагирре «1616: английская и испанская поэзия» (1934–1935), я утверждаю в пятой главе, что и «Стихи об Испании» (1939), и политический контекст переводов Лорки, выполненных Стивенем Спендером, представляют собой высшую точку широкомасштабной англо-испанской защиты европейской культуры Испании, о которой говорил Ортега. Вместе эти исследования демонстрируют, что писатели на английском и испанском языках, преодолевая традиционные европейские разделения по языку, религии, этничности и национальной истории, зависели от политики, стереотипов, а самое главное — от своих коллег и критиков с противоположной стороны, которые при взаимодействии превосходили любого отдельного автора, текст или движение⁴.

⁴ Что касается опасности потери специфики или определяющего смысла термина «модернизм» по мере расширения наших методов и областей исследования, Марк Воллагер обращается к витгенштейновскому понятию

Эти сотрудничества поражают тем, как писатели проецировали свою совместную работу на «третье пространство» Европы. Как ясно показывают характеристики Канта, Испания была не в силах с лёгкостью интегрироваться в современный европейский континент. Более того, диалоги между писателями, обсуждаемые в книге «Модернизм и Новая Испания», расцветали в то время, когда идея единого политического и культурного пространства «Европы» могла показаться мёртвой (или в лучшем случае сомнительной) после Первой мировой войны, которая, как заметил Эзра Паунд, обнажила «испорченную цивилизацию».

Вместо этого писатели как один связывали свои модифицированные образы Европы с возрождением Испании — как существующим или воображаемым пространством — как микрокосмом и оживающей моделью возрождения разрушенного послевоенного континента. Они истолковывали и адаптировали работы друг друга не только как ключевые документы для пересмотра национальных культур, но и для восстановления неустроенного континента спустя эпоху враждующих националистических систем и империй. Такая Европа и её литература будут пересмотрены не в привычном виде, а с учётом политических, расовых, географических, гендерных и других границ, многие из

«семейного сходства» для обоснования того, что «с литературно-исторической точки зрения концепция модернизма явно охватила весь мир, передаваясь через широко распространяемые тексты и трансформируясь в результате многообразных актов перевода и культурного потребления. И всё же кардинальные изменения, вызванные восприятием как формой производства, — переосмыслениями, креолизацией, индигенизацией и тому подобным — не стирают “семейное сходство”, благодаря которому множество различных модернистских течений остаются узнаваемыми как члены одного класса» [Wollaeger, Eatough 2012: 11]. Эрик Хайот утверждает, что «решение проблемы национально ограниченных подходов к модернизму заключается не в том, чтобы поместить в центр модернизма другую нацию, а в том, чтобы признать ограничения исконного движения, увидеть, что факторы, оказывающие влияние на развитие таких эстетических и культурных форм модернизма, — даже очевидно внутренние — необходимо рассматривать за пределами границ одной нации, определённого исторического периода или отдельно взятой национальной структуры» [Hayot 2009: 176].

которых пересеклись в Испании. На протяжении всего межвоенного периода отношения Испании с континентом рассматривались с позиции «изнутри» (Ортега, Маричалар, Лорка), позиции «подстраивающейся имперской метрополии» (Элиот), с позиции другой периферийной европейской нации, находящейся на стадии становления (Джойс), с позиции феминистки, у которой «нет страны» (Вулф), с американской периферии (Окампо, Уолдо Фрэнк), глазами свидетелей борьбы Испании с фашизмом (Спендер, Альтолагирре), и позже из Англии в течение Второй мировой войны (Сирил Коннолли), а также из трансатлантической ссылки (Мария Самбрано). Будь то представление Испании как символа нарушения единства континента Британской империей или как олицетворения глобальных поэтических свобод, поставленных под угрозу испанской гражданской войной, культурно-политические программы этих деятелей — провокационные, культурные — были неразрывно связаны с переосмыслением европейского универсализма через призму «Новой Испании». Эта Испания представлялась как либерально-демократическое, постимперское, мультикультурное, секулярное, проевропейское пространство, находящееся в авангарде защиты прав женщин и прогрессивного искусства, — многие питали надежды, что эту мечту должна была воплотить Испанская Вторая Республика (1931–1939). В процессе перерождения Испании необходимо было пересмотреть, связать и вернуть к жизни через разнонаправленные литературные потоки местное, национальное и международное.

Поскольку эти авторы не решали указанные вопросы и не выполняли свою работу в изоляции, я утверждаю, что рассматриваемые здесь испанские, британские и другие, связанные с европеизацией, модернистские движения можно понять лучше всего при взаимном рассмотрении.

Переосмысление континента *через* образ «Новой Испании» предполагало установление связи между тем, что Ортега называл «троицей Англии, Франции [и] Германии», и удивительно разнородным «культурным пробуждением» в межвоенной Испании, которую описывал немецкий гуманист и компаративист

Е. Р. Курциус⁵. Причины, по которым Ортега и его окружение обращались к британским писателям, рассматривая Великобританию одновременно как оплот либеральной демократии и жестокую, грубую империю, в своём двойном стремлении европеизировать Испанию и испанизировать Европу, возможно, не сразу очевидны.

Эти две страны почти не поддерживали долгосрочных литературных связей: практически отсутствовали контакты между писателями того времени, и каждая из них переживала сильные, но разные по своим причинам антиевропейские движения. Однако, совместив восприятие текстов и их создание, их писатели объединили своё влияние и репутацию в сфере культуры. История литературы склоняется к тому, чтобы выделять создание текстов, обычно на одном языке, но модернистские культурно-политические взгляды нашли отражение как в формальных приёмах самих книг, так и в рецензиях на книги. По мере того как писатели обращались друг к другу за вдохновением, случайные импульсы стали ведущими темами, а паратексты — основными текстами. Иными словами, эти писатели перенесли универсалистские элементы и поэтику модернистских текстов — от «Улисса» и «Трёх гиней» до «Стихотворений» Лорки — в произведения, выходящие за пределы национального, лингвистического или временного происхождения. Это произошло в диалоге, но неравномерно, например в дисбалансе Лондона и Мадрида, что не может быть полностью раскрыто в рамках традиционно иерархических исследований влияния, тем, истоков или сходств. Беглый взгляд на материальные формы этих зарождающихся модернистских образований фактически ставит под вопрос, где заканчивается одно движение и начинается другое: «1616» Альтолагирре, подобно нескольким другим текстам в этом исследовании, одновременно принадлежит и англо-, и испаноязычному литературному модернизму, как

⁵ См. [Ortega 1932: 135], далее цитируется как RM. См. также [Curtius 1973: 304]. Курциус добавляет, что это пробуждение является «одним из немногих отрядных событий XX века» [Ibid.].

они обычно преподносятся⁶. Эссе/перевод Маричалара «Джеймс Джойс в своем лабиринте» — это произведение и о родстве Ирландии и Испании, которое в своих работах возрождает Джойс, и адаптация джойсовского ирландского европеизма под цветущий испано-европейский авангард. Его текст, в свою очередь, ещё больше проясняет союзы, которые Джойс в своём романе преподносит как эпическую транснациональную постимперскую историю. Аналогичным образом я утверждаю, что Элиот и Ортега пользовались рецензиями друг друга для того, чтобы легализовать свои маргинальные национальные проевропейские программы, а произведения и активизм Окампо расширяют, проясняют и усиливают значение космополитичного феминизма, который Вулф связывает с гражданской войной в Испании.

Формы сотрудничества и бессрочное «авторство», используемое в этих текстах, варьируются от традиционных (таких как взаимно выполненные переводы) до менее изученных форм, таких как восприятие работ Лорки в Англии, которые вызвали дебаты на тему «европейскости» Испании во время гражданской войны. Для того чтобы разграничить эти переменчивые лингвистические, культурные, универсальные, текстовые и географические контуры британского, испанского и европейского модернизмов, я воссоздаю модели пространства и чувства принадлежности, истории литературы и интертекстуальный обмен и межкультурные сети, предложенные деятелями культуры, представленными в этой книге. Космополитичная мысль, с её проникновенными заявлениями о коллективизме и наднациональности, предлагала общий язык и убеждения, которые объединяли этих писателей. Таким образом, писатели, рассмотренные в книге «Модернизм и Новая Испания», придавали своим работам особый колорит,

⁶ См. [Ardis 2007: 407–434]. Такой подход к модернизму был во многом сформулирован в книге Майкла Норта «Чтение 1922 года: возвращение на сцену современности» [North 1999] и в книге Лоуренса Рэни «Институты модернизма: литературная элита и общественная культура» [Raine 1999]. Для получения общих сведений об этой и других последних тенденциях в критике модернизма см. также [Mao and Walkowitz 2008: 737–748].

который лучше всего передан в открытом «Письме к Вирджинии Вулф» Окампо:

Защищая ваши интересы, <...> Вирджиния, <...> я защищаю и свои, и пусть мои усилия объединятся с усилиями других, будь то женщины, известные или неизвестные, которые трудятся по всему миру⁷.

В поисках ли формирования «единого европейского фронта» космополитично настроенных писателей, или в попытках поколения Одена в Великобритании и «Поколения 27 года» в Испании выразить солидарность по поводу антифашизма, писатели-модернисты переосмыслили космополитичный дух Европы не путём обособления и дистанцированности, а через переосмысление национальной идентичности как вовлечённости, чтобы привнести в него чувство причастности к заграничным процессам и свою вовлечённость в них [Curtius 1927: 390]. В то время как культура в Европе становилась всё более политизированной, писатели, рассмотренные в этой книге, верили, что литература, культура и международное сотрудничество были и средством критики, и пространством для неё, а также что они могут инициировать крупные исторические перемены так, как это не под силу политическим партиям или государственным структурам. По мере того как они продвигались вперёд, появившийся в процессе англо-испанского взаимообмена (в отличие, к примеру, от взаимодействия с французскими и немецкими коллегами) общий космополитизм оказался между европоцентричным универсализмом, унаследованным от эпохи Просвещения, и постколониальными идеалами глобальной справедливости XX века.

Во многих случаях модернистские периодические издания, процветавшие в Великобритании и Испании, которые в значительной степени повлияли на эту книгу, служили основными средствами массовой информации, которые транслировали разнообразные потоки свежих взглядов и новой литературы. Они позволили писателям заполнить культурные лакуны, перенапра-

⁷ Письмо Окампо Вирджинии Вулф, в [Ocampo 1981, 1: 11, 14].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru